

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.1.3>

УДК 811.161.1'04

ББК 81.411.2-03

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РУКОПИСНОГО ПРОЛОГА XVI ВЕКА

Акимова Эльвира Николаевна

Доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка,
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева
kafedrarusyaz@mail.ru
ул. Большевикская, 68, 430005 г. Саранск, Российская Федерация

Аннотация. В статье впервые вводится в научный оборот рукописный текст XVI в. – Пролог – и впервые исследуется его синтаксическая организация. Выявлено, что макротекст Пролога включает нарративные и назидательные микротексты. Доказано, что различное синтаксическое построение микротекстов обусловлено различиями типов дискурса.

Нарративные (повествовательные) агиографические микротексты однородны и составляют почти две трети от общего количества микротекстов. Связность микротекстов нарративного характера обусловлена хронологическим принципом. Их построение осуществлено в соответствии со строгим эталоном. Они содержат устойчивые словесные формулы начала и конца; обнаруживают релевантные для нарратива синтаксические явления: цепи глаголов целенаправленного активного действия; конструкции, содержащие причастия (деепричастия) от делиберативных и модальных глаголов; оборот «дательный самостоятельный»; конструкции нанизывания.

Назидательные микротексты неоднородны, могут быть убеждающими, риторическими и смешанными; располагаются в характерном для сборников анфиладного типа произвольном порядке; структура назидательных текстов разнообразнее, чем нарративных. В убеждающих микротекстах частотно убеждение повествованием. Вневременность, трансцендентность высказываний реализуются, как правило, глаголами в императивных формах и обусловлены директивным характером подобных микротекстов. В убеждающих микротекстах эксплицируется семантика обусловленности, чему способствует назидательный характер дискурса, преобладание рассуждений, констатация истин, обозначение цели, во имя которой необходимо следование определенным установкам и др. Риторические микротексты построены как вопросно-ответные единства или развернутая антитеза, могут содержать риторические вопросы, восклицания, обращения, повторы, оформленные разными способами сравнения, различные элементы стиля «плетение словес». Синтаксис в назидательных, особенно риторических, микротекстах характеризуется сложностью при преобладании полипредикативных конструкций с обуславливающими придаточными.

Ключевые слова: рукопись, Пролог, синтаксис, макротекст, микротекст, дискурс, нарратив.

Исследуемый текст XVI в. находится в составе более поздней рукописи – Пролога XVII в., которая хранится под шифром № 933757 в отделе иностранных и редких изданий Фундаментальной библиотеки Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Фрагмент содержит вторую русскую редакцию проложных чтений на август. Как известно, важным нововведением, по сравнению с первой редакцией, было «внесение в житийный текст Синаксаря массы назидательных статей (подобный нравоучительный материал никогда не встречался в греческих месяцесловах)» [8, с. 379].

Методика анализа древнерусского текста по составляющим его разножанровым и разнодискурсным компонентам подробно описана и применена в исследовании [1].

Макротекст Пролога состоит из 87 микротекстов (первый без начала, последний без конца). Из них 54 нарративные части (39 иностранных и 15 кратких) и 33 назидательные.

Заглавия микротекстов выступают актуализаторами текстовых категорий информативности и модальности и, как правило, являются названиями жанров. «Древнерусские жанры были хорошо “организованы” в том отношении, что они обычно декларативно обозначались в самих названиях, но под одним названием могли находиться совершенно различные произведения» [5, с. 335]. Как показывает наш материал, основные заглавия агиографических микротекстов – это Страсть (мученик) и Память (какое-либо историческое событие), а назидательных – Слово и Поучение. Эпизодически встречаются заглавия Похвала, Воспоминание, хотя по сути это – названия тех же назидательно-риторических жанров.

**Втоижденьпамятьблгочестивья
црцгольхририньс**

**Втоижденьпамятьтворимьданниѣ
бгапомощи хриянномьвконьстантиноу
градѣнабезбожныяперсыи варвары
нашедшимьжепосихупоморюбныхъже
нылибавицьбгънашѣмтпвамипрчьяя
влчцданашеябцапрнодвцамрѣа:** (л.552)¹.

Часто микротексты вообще названия не имеют, и только по характерным признакам в начале микротекста и типичному окружению понимаем, что это Память или Страсть:

**Втоиждень/прдбньямпренашея
тасибывшееипреже:будници.** (л.555).

В начале текста обязательно указывается время описываемого события, привязываемое к правлению того или иного царя, и, как правило, место действия (прямо – название города или страны – или косвенно – например, «географическое» прозвище действующего лица):

**Влѣгаиракляцрѣгреческагохорцирь
перьскоипридедохалкидонахотявзяти
коньстантиньградѣ (л. 552 об.); Емелѣань
истовдникъхвъбвоцривоцваиконборца
еткльсьликвизьскѣи (л.553,об); Мироньсьи
еткльсьицькрьсьскагоустровапридеки
цари (л.554); Табѣстапримаксимѣаньцари.
вьедесьтѣмьградѣладьстѣмь (л. 542) и под**

Конец микротекста мартирологического типа – это своеобразная «слава» святому: **и скончавъзахамиченіепредсѣдхъсвоив
руцѣ бжїи :** [8, л. 546]; **и тако вѣнци
увязошася :** (л. 557); **и тако похѣ постра
давше насудици побѣдѣи вѣра и вѣнецъ
побѣдѣи примыше (л.532); в руди бжїи дшю
свою предсѣи вострѣи готованоему цриво
тсложенію миру :** (л.559 об.); **и бгучпныя дша
свою предсѣи вострѣи мысѣтамосищѣбо
гательство. и држе вѣсѣмь вѣселящимся житіе.** (л. 534).

Житийные микротексты заканчиваются словесными формулами более «спокойного» звучания, в которых нет указания на мучения праведника: **и испес миромь :** (л.554); **и смиромь
понириженьбъ кликуравень хвъзкирадѣя
(л. 554 об.); и телесныя разрѣшися соизъв
рди бжїи вострѣи и дшю людя развѣяли е
его акислце :** (л. 14).

В нарративных микротекстах синтаксис более простой, чем в назидательных. Преобладают конструкции нанизывания, в которых предикативные единицы соединяются при помощи союзов *и, же*:

**Пнѣюмнѣа стехимь будимь нѣа крѣбъ
хслѣстекыннѣсмьисибобъшавнѣнѣнемь
вѣци. и тѣмь хоя имь извѣспитишюваніе. и
показаличтѣо есть слава нѣна сегоже хощѣ
прииивостднѣи дшю симь рѣна своя чнкѣ
пѣра. и аковаманна и въведедѣи на гору
фавръскую и прѣбрався рѣднѣи мѣ показимь
славу свою бжїе свѣи прѣсвѣтися и лице его жо**

стнеиризьетобъшабъльжоснътиявистая
моусийильяснимь. (л. 548 об.);

папиркыжесртивемьнъяконьслъа
бладитиргоируковрениостковабрази
хожахуриснахсыреникиимнижитосаша
дарьимирэхатанъжебодарьпримьмиржъ
тринуиповезивъпизграваединоириэи
моливвоожестьябавоскипимореиполюпи
корбякаримемьсчънишьшавидеце
жеперсыбывшееиступиша. (л. 553).

Много оборотов «дательный самостоя-
тельный»: **и множиши ся плоду бльх ради**
имя те же нсднвирнфракшесроку (л. 554);
имату же времени минувши гакъ всякого
бжане всаго то нъ в сохощъ нъ снъ
взяи (л. 537 об.); **родите лемаже то умершима**
ипрнотсе умсавъ сзвацина яремное сва
корбля на разная мнъя недости же прави
схився спогуби (л. 539 об.–540); **амвтихъ же бѣ**
мнишь хожа шворда ктв имь брашна едино
же мушешциду же мушкыра и видьмъ бра
чтнаго крта (л. 551 об.) и мн. др.

Как видим, в тексте употребляются как обороты, логический субъект которых отличен от субъекта основной части предложения (характерные для старославянского языка), так и обороты, имеющие логический субъект, общий с основной частью предложения, которые являются специфически русским явлением [6, с. 6–7].

На «причастный строй» древнерусского книжного языка ученые давно обратили внимание [4, с. 20; 7, с. 170]. И в нашем материале предикативные части, как правило, осложняются причастными оборотами, центр которых составляют в основном аппозитивные причастия прошедшего и настоящего времени (деепричастия) от глаголов восприятия, мысли, говорения, то есть делиберативных, и от глаголов модальных:

иразумъ вы армаксимянь жокрпился
ефериимного мичивъ етои в сдиимечъмь
исэкнупи (л. 545);

слъшавъ же дкимни ховетя привеси
предъямно ндвьяго краисуень мь бо сьмь
ивидовъя не то каря ошася идевои ны рад (л. 551);

иридеохакиднаю възвжкъ снъ санинь
градъисвидовыракъ им стави чадисои (л. 552 об.)
и мн. др.

Отмечены факты характерного для старославянского синтаксиса именительного предикативного:

истъхтайнь причастникъ бы (л. 545);
и ть бгдружи члкъи сотворяеть и рабъ въ
сновь мсто прѣмлетъ (л. 548 об.); **перъ же яко въ**
ісань послеси бяху достовѣрнии (л. 549).

Порядок слов в предикативных единицах микротекстов относительно свободный. Согласованное определение может находиться как в пре-, так и в постпозиции:

Ть ѡвети ки цна шь ѡсопутьникъ
тнсоипримьни шескъ имъ образъ в селіа въ
пустыню ни приисколю (л. 545).

Сказуемое также располагается свободно – до и после подлежащего:

исамь мси събже въ мь кратенемъ . и
разумъ вы армаксимянь жокрпился ефери
имного мичивъ его (л. 545); **заградятъ бо ся**
уста не праведному носам а длаво и поть
(л. 546 об.).

Имя действующего лица иногда вообще отсутствует на протяжении всего микротекста, поскольку оно уже названо в его начале или даже в заглавии:

В той же днь страсть стго мчнка
антоня:

Ть ба въ сандри нород мь бо говинь
и бояся бга зть же и приве днь къ князю . и
вопрошенъ и истовъ авъ се хртана суца и ха
истинна бо сь рзъ новемь истовъ да гь мна
дрезъ повъ шень бы сть истинъ въ ржесе ха (л. 557).

Сказуемое чаще всего простое глагольное, выраженное аористом или имперфектом глаголов перемещения (что характерно для нарратива) и некоторых других лексико-тематических групп:

Деки аръ видевъ фесъ картаеньскаго
градъ мнишь хртань . идевои ны радъ свори
хотъ не свое . . сже сть и мрощи / примъ сзвю
и сребро на ишъ се въ доша вереть ть мь и
не хоти и прѣбъ шати мнотимоя сь себу . .
амвтихъ же бѣ мни хитъ хожа шворда ктв
имь брашна едино же мушешци сь шавъ
декамъ янри шешавъ радъ снъ шевреть . .
иде етигы антипаты ктв ерери мь брѣгоша
прежена исты етешеръ ковчегъ ть мловань (л. 551–
551 об. – 552).

Часто употребляется составное именное сказуемое с именной частью – кратким страдательным причастием:

и приванъ бгарма на чать въ рашаемъ
быпи (л. 545); **а прочимечъ мь счънишь ша**
(л. 553); **поставленъ бы епкпомъ в коносѣ**.

Архиришьстѣмь (л. 554); Тѣ бѣприиди жти янѣ
цари и луси гэмона града зрвая ять же бы вѣ
и приведенъ бы клусіо ит того биень бы
галица микра кой жетзая жкавозложи ша на
нѣ и затворень бы втемници. и наупря
приведень бы нистыла ииужень бы гоже и
идоломине покрься иповзень бы гансэ и
надревэисчень бы потэлумечи ипосемь
подпалень бы свѣцями ивсемы по срамень
бы (л. 554 об.).

В составе именной части сказуемого
могло быть и полное действительное причас-
тнѣ: Старецъ бѣедины дѣи кы вѣрдану (л. 230 об.).

Отмечено единичное употребление со-
ставного глагольного сказуемого: Всяка сло-
весна дѣша бгиприлопиписяможесть (л. 8).

Многочисленны факты как беспредлож-
ного управления на месте современного пред-
ложного, так и наоборот, а также случаи, ко-
гда на месте какого-либо современного пред-
лога функционирует другой:

и не твржеся ха (л. 557); возможесть
мнихъ ибъжати съи даволя (л. 12); бѣгаите
блуда (л. 7 об.); плакати ся грѣховъ свои
(л. 14 об.); моромь и гладомь по губышевои
многи (л. 530); предстакня зю црвану (л. 536);
единъ т старецъ (л. 545 об.); донесоша ко
антупату (л. 552); приведенъ бы клусіо ит
того биень бы (л. 554 об.); и дивлеса в себе и
моляше къ бгу (л. 546); и зтѣ же бы вѣ т
компаи ксего и мене мѣвсма и жеником дѣя
и посланъ бы съи царя вониски о срану на
убіеніе хртянъ (л. 544 об.); блговолить тѣ на
бои цазся его (л. 548); и совори в концемало.
им жѣ повелѣ мало хлѣба дати ей. и в оды
(л. 555 об.); да помолятся о немъ къ би
(л. 7) и др.

Отмечено единичное употребление древ-
ней конструкции-штампа «местный падеж
сущ. *мир* с предлогом *о*» со значением цели –
послати о миру, причем окончание в суще-
ствительном – *-Э*. и послаша дары в мирѣ
(л. 553).

Дважды в тексте употреблен супин: И
послани приидоша зтѣ его (л. 529 об.); и по-
славъ зтѣ и (л. 544 об.). В основном же при
глаголах перемещения используется целевой
инфинитив: се атель приидоша поять мене
(л. 545 об.) и тѣ хожаше во града купити имъ
брашна (л. 551 об.) и де вои ны града створи пи хогтнѣ

своа (л. 551); и въ де на гору въ со кие темньскою
помолитися (л. 12).

Целевые отношения в исследуемом тек-
сте выражаются также конструкцией *да* плюс
презентная форма: бдите и молите да не
внидетевна пасть (л. 537); и молюся да оста-
вить мене мало покаяться (л. 545 об.); и тѣснѣ
всѣ глашавше муселъ в насъ скончаею рече
(л. 546); и пришедша фнотико стому антоніи ои
възвѣсти в неи да помолится бгу (л. 55 об.)
и т. п.

Отрицание в тексте могло выражаться
двойко, причем в одном и том же контексте.
Как известно, «факты отсутствия второго от-
рицания – результат калькирования греческо-
го оригинала; появление второго отрицания –
отражение в славянских текстах живой сла-
вянской особенности, свойственной речи пе-
реводчиков» [9, с. 402–403]:

безнея жениктоже не узришь бани что
же и съветъ да м серебро и ружини съи дѣша
непокаяныи: (л. 7 об.); и ни коея же пользы
пріати их (л. 1 об.); и съи шень бы съи и никако
же преклонися (л. 536 об.); зко ничто же
истѣша помолися (л. 530); да ни ктоже в ась
вбленися при ина по хвали прѣсь ав дѣца
(л. 11 об.); и вверже на бы съи в море и ни чим же
неврежена бѣвши (л. 542); его ж ни ктоже т
хртянъ не разори (л. 9).

В микротексте Мца того ж въ вѣ. днь
страсть съи хмчнкъ фотіа и ани киты съи
конструкция следствия, которая ни разу боль-
ше в тексте не встречается. Это особый ин-
финитивный оборот с союзом *яко*, субъект
действия в котором выражен дательным па-
дежом: И биень бы съи толь мизко костемъ его
звитися (л. 6).

Союзы в нарративных микротекстах –
сочинительные (в основном *и*, *же*); подчини-
тельные (*бо*, *зане*) употребляются относи-
тельно редко:

зтѣ же съи въ занечя шехилого и стов дѣя
и истиннаго бга (л. 2 об.).

Примеры с прямой речью отмечены
единично: и рече старецъ чпоскрегчеши (л. 530 об.).

Назидательные микротексты неоднород-
ны и делятся на убеждающие (21 микротекст),
риторические (8) и смешанного типа (4).

Следует отметить специфический пове-
ствовательный характер древнерусского рас-
суждения, которое убеждало на примере соот-

ветствующих сюжетов, составлявших значительную часть текста. По мнению А.А. Брудного, повествованию присуща убеждающая сила. Многие библейские тексты представляют собой именно повествование, а не доказательство [2, с. 7].

В нашем материале в убеждающих микротекстах представлено в основном убеждение повествованием, например в микротекстах **Словотжипиянифронтосавсребролюбци** или **Слововуставмнишескажипияиуопитемьзхъ** и особенно в микротексте **Слововсемьаполинаржкомльнеоприьноубогати члкасалонищабывшя:** Лишь в микротексте **Слововсохранениязыка** встречаем образец современного доказательства, выраженного при помощи союзов условной и причинной семантики:

Ашещещливьживнисиждобртжиицадиесасвоямногалнябженьбомжкжженотпльнеисязкомьсвоимьненавдибопняи малельзбобитатбгаизливаотсянамотливомдрьжемжбемолветобильимолчабга чтесть. тэмже тлагаетеустьсвоихлукаваяинеправаясловсатсебериисправдовацаинесьдишисияжбохранишькьсвоисьбоудельмскрбисводшосмрьжеживотьврудизькавсемьбожовьжибратьичитньпля. будивсякьчлкъскорьнапослшанеимединыгалнеижебомнаждынепадельзкомьсвоимь. тосвершеньестымногьвосхлстиипветэпосвоельжеречиплювамьжковскасловопраздножерекльчлци тдадьявнемьстововьдньсуднымсудишия: (л. 539 – 539 об.).

В поучениях отмечается обилие императивных конструкций, причем глаголы могут употребляться во всех формах повелительного наклонения:

Послшайтезаповэди гня (л. 557 об.); **Смиритесябратеилубие** (л. 535); **Не гнитесябратемьсвоимьстенинепрьбывалекисколибезьвоздрьжанияядуцеипюоще** (л. 542 об.); **Убоитесьябратие бга и кнзя** (л. 548); **Подвизайтесябратетэсньмьплемьпоии** (л. 14 об.).

Бжжимьбрате зависти бэсовьскіасэпи (л. 2); **тэмжеживотарадивьнагопрудимсяивьстуоцрковыпритецемь** (л. 534 об.); **ивьсякьзлюбиверземьтсебе. зрспьипнэвьклеветуиблцдтабу. піаньство. несьпьство. тався**

оставышестраньяпримемьмиржеилубовьмежсоббодимамьлюбосельсконанезкони тэмьснвбунаречемьсивяпрошеніа негопримемьвсйвжкьивбудуци: (л. 11 об.); **да сьзшацбратендрьжмоявистинотрбидемьвлубови истиннийwxэсэ:** (л. 2 об.); **Всемьнамьбратетодбесьвилсияпредуищемьхьмдакждоприметь по дэломь** (л. 546 об.); **да собересеявыркьнавернсоинапрансоиналиперю** (л. 547); **ашекохощельбезьрудастасия дайматьковсемьлюбовь** (л. 535 об.).

Достаточно частотны модальные зачины назидательных микротекстов:

Доброестьиполезнонаписати повестьжипястьа тасіа (л. 555); **Зко данаписаетсявывоимьсливсэдвиратришевясрапнаяwnатайна** (л. 7 об.); **Подобаетьнамьотомьмалопбесэдоваши** (л. 15); **Многоможеддамьпомощипрчтаяжертва** (л. 532 об.).

Обилие повелительных конструкций объясняется директивным характером высказываний, особенностями интенции назидательного дискурса, призванного наставить человека на путь истины, показать, «как подобаает человеку быти». В начале микротекста автор обычно обращается к читателям (слушателям) с призывом выслушать его (хотя может, как, например, Иоанн Златоуст, непосредственно приступить к изложению поучения):

Послшайтебратескажовамьднисето четь. каковая во нь звишася (л. 549); **Послшипезавэди няо жерекьзаконики** (л. 558).

Затем, как правило, следует совокупность развернутых подробных наставлений, как, например, в микротексте **Поучение како подоблет дэтемьчтипиродителясвоияпачесебе:**+

возлюбишигабасвоеговсеядцапвоеяивсегосрцаипомышленияпоумьжечтица своетоиматерьсвою. . послшайгабокоильдобрэсвоомрьи гажайцю. . заступайте старостьцавашего. . милуйца мпльбота незабвенабцельпредбтомьине забывайте мръняруда. . работнэсэсрахмьслижиима. . (л. 558 об. – 559).

Заключение традиционно для древнерусского учительного текста – это обращение к Богу и его восхваление: **бгу нашему слава:** (л. 547); **итомиславаподобаетьщуйснши стомудхуннэипрноивьвжкь:** (л. 15).

Много в убеждающих микротекстах цитирования священных текстов и фактов употребления прямой речи, причем в микротексте **Словотпатерика. вядущихмнисехна трапезэ:** отмечено смешение прямой и косвенной речи:

ириношашричосицеликобеднь старець [8, л. 545 об.]; **иприиде ему гласъ свыше глязкоядущимедьсисилыжестрахомы радостно духовно осудя на трапезэ** (л. 546).

В назидательных микротекстах, содержащих строгие нравственно-религиозные правила, которым необходимо следовать читателям и слушателям, много условных конструкций. Последние, как известно, характерны для текстов, определяющих правовые нормы, – договоров, законов. В убеждающих микротекстах Пролога также представлены, по сути, социально-нравственные и религиозно-нравственные законы, поэтому в них распространены формулы, позволяющие обозначить условие, выполнение которого является обязательным для соответствия нормам поведения, жизни, признаваемым образцовыми, достойными подражания.

Как показывает наш материал, в поучениях частым и практически обязательным является обозначение цели, во имя которой необходимо соблюдение предлагаемых установлений, определяются условия, при которых следует осуществить необходимые деяния для достижения означенной цели:

Аще хощеши вь живи се добротю и ли падеи стасвоя много галания блженъ бо мжъ иже не полъзеся зкъ своимъ невиди бо планя и ма яель зъ бо и бога и зли ва о ся на мотатива о мдръ же мжъ безмолвель бо и бы молча богачеть. тэм же тлагаите тустъ своих лукавая. и не правая словеса т себ трини (л. 539);

аще кто хощеть безъ труда стасия да имать ковсмыль обовь к малымъ великимъ лобъближнемъ сизане съворишь хощаще бо миру и вь веселяхъ любилъ неже стихт бо съзель мсль бо вонекети и пинь и телець съ враждою (л. 355 об.);

аще ли вь не стави ни цвашъ нъ ни не остави вь амь велика бо еси тла мпвн а тла бо и мнъ / акить домъ съвори мпва же сзакю тсрпнь кврать кврати и пре мо прокъ мнаросу мнъ съвори на н а лодъ суци мль во сам о и а породи моли ся дани ть рыка оца яль вь ворвэ

у крои самы жь чинком тла ше бо дие моли те да не видете вна пасть (л. 536 об.).

Далее, как правило, следует вывод, выражающийся следственными (редко – условными) конструкциями:

тэм же ари мь сь самидабже но о миране пребидеть вна съ (л. 15); **тэм же аще кто хощеть безъ труда стасия да имать ковсмыль обовь** (л. 535 об.); **тэм же тлагаите тустъ своих лукавая. и не правая словеса** (л. 539); **коль стая ли и рт на помощь съ мрши медже самы дша просять тна съ сихъ зкоже вноя деля спсень ажры вь пресия пращатъ** (л. 533).

Риторические микротексты гораздо менее частотны (в основном это Слова Иоанна Златоуста). Они могут:

1) организовываться как вопросно-ответное единство:

Братъ вопростица монарцима коу спсися и гла емъ старецъ. и иди сътвори мсль свою жь кзодивря шщивемници вни бо во пращатъ чкъ гдрь сь князю ко да приде и чаня тла о ся коимни хъ до жень естъ твори ти. и вбличати дшо свою (л. 553–553 об.);

2) строиться как развернутая антитеза (**В той же день. Слово в изрэмъ пути вдушимъ в живни и в широцэмъ. вдушимъ / в микивчню:**):

се же естъ скорбни и пль вводя щивь цртвон боное. . . а сеши роки пль вель вь погибель (л. 14);

3) содержать:

– риторические вопросы: **почто** встави млтыню (л. 556); **что** ибо естъ зависти в канниши (л. 2); **почто** вводиши во своидомъ паубу (л. 4 об.); **что** ради таку имя жени трыши (л. 5 об.); **аще** ли ко сво о домъ строили не иметь како црквы обже о погечетъ (л. 531);

– риторические восклицания: **в ле** что се суть (л. 557); **вна** же рече и видишь и рай и муку видо (л. 555); **горе** мнъ / како имамъ прдстапи сиди шу хву. како имамъ вэщати еми (л. 553 об.); **да** колика грѣха полна естъ таковая вещь (л. 4); **что** ибо естъ зависти (л. 2);

– риторические обращения: **почто** же скорбиши и чче да и бо не на рещи ся бга воздана (л. 556); **друзе** не собижь отъбэ возми сво еи иде (л. 2); **братя** вь влюбленна я не все да тэлу работа и ено тачедши (л. 557); **много** имать вни бо не носребро тсебъ съсь (л. 1); **Сни** чить

спражаты дахъ дому и зрлеви слышити усть
моихъ слово (л. 530 об.);

– сравнения, оформленные разными способами: **да яко дьмь ꙗгонить ꙗчель тако же и зльи бесѣды ꙗгонить ꙗптели ꙗбжия** (л. 557); **зко же бо и стень телеси тако и душа мырси** вослѣдуютъ (л. 546 об.); **зко же в темнѣ пещерѣ свѣща просвѣщаетъ тако же и мп вавдшу** вшедши и в сомрако и греховну отгонить: (л. 537); **аки воинъ во оружьи стрелъ въ домѣ ето жчн ошера бо и ницѣ и и папелъ и то хойи** недръзнуы прикоснуися дши ногаи ошеса бѣга оны ꙗгонимъ мчнемъ страха бжия (л. 548–548 об.);

личе бо в людѣи шлѣздиши **нежели зтѣ** женѣ таинѣ повѣдати людѣя бо то чы от эло пото пить а сивсно жизнь погубить (л. 6); **личе же си хлѣбъ съзетъ мѣсто бо и неже ли гиены** и телець съвраждоу (л. 535 об.);

Попщитесь брагяи и сестры зовущекъ цркви и славлетъ а ружья шихъ и въ руде навъ шнеи бо и цркви бо есть и бо в не иже аптели невидимосъ члкъ бо ставъ въ паръ же разуми бо же жилище атрапеза прльстѣя троица тнеже брашно по дается плоть сна бжия и сая ето кровь въ чича ошца на ца дша и бо самы плеть зды и плоть мою и па кровь мою и живъ быдетъ в вѣкитѣм же живота радивѣнаго по трудимся и въ сту о црковъ притецемъ (л. 534–534 об.);

– риторические повторы (в том числе с анафорой): **Днь** братіе мти га нашего преставльши ся бжия сего вѣшнее црвои въ оубилетъ вни нове съет ся в радъ съзну о и в селене и зпланное а може желя о ꙗптели прики нути **днь** радѣду а дамивнука и гжаво вѣчнѣя жилища приходить **днь** освобождается прабна якля в асущая на естество члнъ стѣмъ **днь** богохульни жидовесра ми шаса (л. 12 об.–13); **аше** зсте аше плете аше члчтотвориле все въ ставу бжю твориле и гова ошце мстеникы бгу: (л. 546); **завидитъ** лѣнныи въ страдѣ богаче ошце му а не преже понудил ся къ страдѣ не яки чесь ростеть **завидитъ** грѣшникъ члчт праведни цне в охотѣ въ преже востя нуи ся тпраха **завидитъ** блдники олому дн крокога са не хощеть подобити ся длому ето **завидитъ** лика въ и в асте линь другомъ (л. 2 об.); велика бо еси а мп вѣная па бо и в нжитъ домъ съвори мп вѣже еки о смрнь къ враль во хрании прам орскомъ на русумъ съвори на на глѣдъ суши

млво сама и трдимо в сяди нръка ошѣя лвы ворвѣ и кроти (л. 537);

– элементы (в том числе словообразовательные) стилия «плетение словес»: **Зко ж** му ро **многоченно ка ил о прѣнко** къ бу рнъ зъны бы и с миромъ ꙗччи (л. 554 об.); и не имяху ть ему въ рь ка мен о сердце чное племѣ жидовское (л. 549 об.); алманъ же некто куми ро лубецы пакисъ за спто (л. 11); завистъ же оставиле дотѣ завистъ бо есть скорбь срцдо и тгядши суши лотѣли и разореніе лоб веков съмъ враждатъ ченіе роду стона добродѣтели за логъ мчненіа лишени бо ка жизни гэмнѣ на слѣдѣ (л. 2 об.); та бо звися въ бидимы мп помощи а печаль мп за ступни аи корбѣши мп гшеніе бо лшчимъ олителыи а правовръны мп верженіе апл омы по хвала мчкомъ крѣпосъ и слемъ не гленны и вѣнецъ (л. 13).

Практически во всех назидательных микротекстах синтаксис сложный, преобладают полипредикативные конструкции с обусловливающими придаточными. В качестве примера можно привести микротекст **Слово іванна злата устаго ꙗпуцаго ошихъ и подвиги ома ошихъ**:

Егда бо мп жъ восхо щеть писати свою жену ли и жена тпръ ваго мп жа бѣжати да помянеть и в ачача ил ошца же на привъана есь законъ днго же времени живи есь мужъ ея свободна же съ ваетъ том жни смривидиши зко раба есь живи цуономъ которъ яже кнпи ли законъ ошца ти же ны повелѣвають но творящи таковая съ прелюбодрици в муки вса жа ося не бо инако хощеть аддихъ съднь внь но яко же самы положитъ есь законъ да и бо караемъ законъ бжю и своихъ же ны не пшца мп ни нѣ мп шень кто мп теле к мп бо вчматоя же ны и видиши мп жа и бо умершаго жену поимъ ктото к мп в образъ ето по мп сли въ инь етъ а иже живи я мп жа зряко жипестого супружнцѣ стоживъ мно окити ливо сна речъ жену во правду и сво оного ии единого бо есь жена иже тако соблюдивъ и бо ко вному сво кпленю о праши ко другому при шлассъ беззаконно (л. 4).

Широкая вариативность старославянских по происхождению подчинительных союзов свидетельствует о том, что в связи с потребностью точно выразить средствами языка различные семантические ситуации

шел активный процесс уточнения их расплывчатой семантики, процесс экстенсивный, выражавшийся в основном в агглютинативном расширении союзов, о котором пишет В.В. Колесов: «В конкретном тексте формальные единицы стали довольно значительными, иногда превышая содержательную часть высказывания (ср. в тексте XII в.: Того бо ради и благодѣть велика, понеже бо бѣша чюдна... здесь шесть(!) исходных частиц и местоимений» [3, с. 255–256]:

зкоже бо и стень телеси тако и душамъ прѣсивостудуопь (л. 546 об.); **и аще бо словесъ съхкнхъ ты слышавъ сътвори еволюбю** (л. 547 об.); **но зкоже се бидетъ кто на высоцѣ горѣ или на погътѣ не горѣ бо и сяни погы но еже свалися тнео** (л. 548); **Млпыню бо есть гдаслобовию бываеть съ добрымъ изволенымъ творима и да немши зкодыно яко бо дагы прѣмля и аки прѣмрѣтая не по бѣзине бо не творидображе творши инъ вая и скорбя** (л. 556); **в сии ¹/_о днь радость апеломъ веселена земли. почто понеже херувимъское мружесли и прордъкъ дври** (л. 11 об.).

Итак, анализ синтаксической организации рукописного Пролога XVI в. привел к следующим выводам.

Составляющие макротекст Пролога микротексты делятся на нарративные и назидательные. Нарративные агиографические тексты, реализующие такой тип речи, как повествование, существенно преобладают и составляют почти две трети от общего количества микротекстов. Назидательные тексты неоднородны, могут быть убеждающими (почти две трети от общего количества), риторическими и смешанными.

Разные типы дискурса обусловили различное синтаксическое построение микротекстов.

Нарративные микротексты строятся по строгому эталону, содержат устойчивые словесные формулы начала и конца. В них наблюдаются: цепи глаголов целенаправленного активного действия, сопровождающиеся супином или инфинитивом; конструкции, содержащие причастия (деепричастия) от дельберативных и модальных глаголов; оборот «дательный самостоятельный»; конструкции нанизывания – то есть релевантные для нарратива синтаксические явления.

Основа связности микротекстов нарративного характера – хронологическая (как в летописях), в то время как назидательные тексты могли располагаться (или, по крайней мере, читаться) в произвольном порядке, что характерно для сборников анфиладного типа.

Построение назидательных текстов гораздо разнообразнее, чем структура текстов нарративных.

В убеждающих микротекстах представлено в основном столь распространенное в древнерусских памятниках убеждение повествованием. Директивный характер подобных микротекстов предполагает вневременность, трансцендентность высказываний и передается в основном различными формами глаголов повелительного наклонения, которые не квалифицируются с точки зрения отнесенности к моменту речи.

Назидательный дискурс, преобладание рассуждений, констатация истин, следование которым необходимо при соблюдении определенных условий, обозначение цели, во имя которой нужно этим установлениям следовать, – все это способствует экспликации в убеждающих микротекстах семантики обусловленности.

Риторические части Пролога представляют собой текстовые формы с разнообразным выражением внутритекстовых связей, умелым темарематическим членением информации, продуманной композицией и изощренными стилистическими украшениями. Они могут организовываться как вопросно-ответное единство, строиться как развернутая антитеза, содержать риторические вопросы, восклицания, обращения, оформленные разными способами сравнения, риторические повторы (в том числе с анафорой), различные элементы стиля «плетение словес». Синтаксис в назидательных микротекстах, особенно риторических, сложный, преобладают полипредикативные конструкции с обуславливающими придаточными.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ При цитировании в скобках указывается лист рукописи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акимова, Э. Н. Реализация категории обусловленности в языке памятников письменности русского средневековья (XI–XVII вв.) / Э. Н. Акимова. – Саранск : Изд-во Морд. ун-та, 2006. – 240 с.
2. Брудный, А. А. О сознании и тексте / А. А. Брудный // Мысль и текст. – Фрунзе : Илим, 1988. – С. 3–10.
3. Колесов, В. В. Древнерусский литературный язык / В. В. Колесов. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1989. – 296 с.
4. Ларин, Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X – сер. XVIII вв.) / Б. А. Ларин. – М. : Высш. шк., 1975. – 328 с.
5. Лихачев, Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев // Избранные работы: в 3 т. – Л. : Худож. лит., 1987. – Т. 1. – С. 276–531.
6. Перегонцева-Грава, Л. В. Дателный самостоятельный в русском литературном языке XII–XVII вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Перегонцева-Грава Людмила Васильевна. – Л., 1955. – 14 с.
7. Припадчев, А. А. Иерархическая организация синтаксической системы древнерусского книжного языка XI–XIII вв. / А. А. Припадчев. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1986. – 176 с.
8. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI–первая половина XIV в.) / отв. ред. Д. С. Лихачев. – Л. : Наука, 1987. – 494 с.
9. Хабургаев, Г. А. Старославянский язык / Г. А. Хабургаев. – М. : Просвещение, 1974. – 432 с.

REFERENCES

1. Akimova E.N. *Realizatsiya kategorii obuslovlennosti v yazyke pamyatnikov pismennosti russkogo srednevekovya (XI–XVII vv.)* [Implementation of the Conditionality Category in the Russian Language

of Middle Ages (11–17th Centuries)]. Saransk, Izd-vo Mordovskogo un-ta, 2006. 240 p.

2. Brudnyy A.A. O soznanii i tekste [On Consciousness and Text]. *Mysl i tekst* [Thought and Text]. Frunze, Ilim Publ., 1988, pp. 3–10.

3. Kolesov V.V. *Drevnerusskiy literaturnyy yazyk* [Old Russian Literary Language]. Leningrad, Izd-vo LGU, 1989. 296 p.

4. Larin B.A. *Lektsii po istorii russkogo literaturnogo yazyka (X-ser. XVIII vv.)* [Lectures on the History of Russian Literary Language (10th - Middle of 18th Centuries)]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1975. 328 p.

5. Likhachev D.S. *Poetika drevnerusskoy literatury* [The Poetics of Old Russian Literature]. *Izbrannye raboty: v 3 t.* [Selected Works: in 3 vols.]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1987, vol. 1, pp. 276–531.

6. Peregontseva-Grave L.V. *Datelnyy samostoyatelnyy v russkom literaturnom yazyke XII–XVII vv.: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Dative Independent in Russian Literary Language of the 12–17th Centuries. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Leningrad, 1955. 14 p.

7. Pripadchev A.A. *Ierarkhicheskaya organizatsiya sintaksicheskoy sistemy drevnerusskogo knizhnogo yazyka XI–XIII vv.* [The Hierarchical Organization of the Syntactic System of Old Russian Literary Language of the 11–18th Centuries]. Voronezh, Izd-vo Voronezhskogo gosudarstvennogo un-ta, 1986. 176 p.

8. Likhachev D.S., ed. *Slovar knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. Vyp. I (XI–perвая polovina XIV v.)* [The Dictionary of the Scribes and Literature of Ancient Rus. Iss. I (11th - First Half of the 14th Century)]. Leningrad, Nauka Publ., 1987. 494 p.

9. Khaburgaev G.A. *Staroslavjanskiy yazyk* [Old Slavonic Language]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1974. 432 p.

THE SYNTACTIC ORGANIZATION OF THE 16th CENTURY HANDWRITTEN PROLOGUE

Akimova Elvira Nikolaevna

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Department of Russian Language,
Ogarev Mordovia State University
kafedrarusyaz@mail.ru
Bolshevistskaya St., 68, 430005 Saransk, Russian Federation

Abstract. This article introduces the 16th century handwriting (the Prologue) into the scientific use. So, the Prologue is a collection of brief lives, teachings, edifying stories and episodes put in the calendar order. And this article is the first study of its syntactic organization.

Micro texts forming the Prologue's macro text are divided into narrative and didactic. For example, hagiographic narrative texts as the type of speech – narration – make about two-thirds of the total number of micro texts.

Edifying texts are heterogeneous; they can be persuasive, rhetorical and mixed. Different types of discourse led to a variety of syntactical construction of micro texts.

Moreover, narrative ones agree with a strict model, they contain persistent verbal formulas of beginning and end.

They include chains of active action verbs; participle constructions of deliberative and modal verbs; turn “dative independent case” (“datelny samostoyatelny”); stringing design constructions – relevant phenomena for syntactical narrations. The basis of narrative micro texts coherence is chronological. And instructive texts can be placed in arbitrary order, which is typical for enfilade-type collections.

Consequently, the structure of edifying texts is much more diverse than that of narrative ones. Persuasive micro texts present narration persuasion which is common for ancient Russian manuscripts.

Directive nature of similar micro texts implies timelessness, transcendence of statements and is expressed primarily by various forms of the verb imperative which are not estimated from the viewpoint of speech moment.

The edifying discourse, the predominance of arguments, the truth statements, intention indication contribute to the semantics of explication conditionality of micro texts.

So, the rhetorical parts of the Prologue can be organized in the question-answer unity form, or detailed antithesis, contain rhetorical questions, exclamations, appeals, addresses in different ways of comparison, rhetorical repetitions (including anaphora), various elements of the style “network of words” (“pletenie sloves”). The syntax of edifying micro texts especially that of rhetorical ones is complex, with predominance of polypredicative constructions with causal clause, consequence clause, object clause, condition clause.

Key words: manuscript, Prologue, syntax, macrotext, microtext, discourse, narrative.